

ОБЩЕСТВО

Дмитрий
ФУРМАН,
Киммо
КААРИАЙНЕН

РЕЛИГИОЗНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Цель данной статьи — показать отношение к религии, которое сложилось в современном российском сознании. При этом мы исходим из данных всероссийских опросов, проводившихся Академией наук Финляндии и Российской академией наук в 1991, 1993, 1996, 1999 и 2002 годах.

В конце 1980-х — начале 1990-х Россия пережила глубочайший революционный кризис. Одним из его компонентов было и радикальное изменение отношения к религии. Это отношение постепенно менялось еще при советской власти. Коммунистическая идеология умирала, и параллельно в связи с этим процессом началось обращение к религии, медленное переворачивание «идеологических знаков». В период революции 1989—1991 годов этот процесс вышел наружу и принял форму обвала. Количественные изменения перешли в качественные.

Сейчас, десять лет спустя, революционный кризис позади. Общество успокоилось, стабилизировалось, и одним из элементов этой стабилизации является «религиозная стабилизация». Самый важный вывод, который мы можем сделать из последнего опроса 2002 года, заключается в том, что за период с 1999-го и даже с 1996 года в отношении россиян к религии почти ничего не изменилось. Религия заняла в общественном сознании относительно прочное место. Далее мы постараемся показать это место.

ОДНОЙ ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ постсоветского российского сознания является всеобщее положительное отношение к православию (см. таблицу 1). В 1999 году казалось, что улучшаться ему уже некуда (44 процента опрошенных относились к православию «очень хорошо» и 50 — «хорошо»). Тем не менее в 2002 году оно стало еще лучше — 52 и 44 процента. Мы все же полагаем, что в этом отношении достигнут пик — еще более высокие цифры представить уже трудно.

Это отношение, приобретшее характер общенационального консенсуса, лишь в незначительной степени связано с верой в Бога. Даже тех, кто не просто «хорошо», а «очень хорошо» относится к православию (52 процента), на 8 процентов больше, чем верующих (44 процента). Положительное отношение к православию высказывает и большинство «колеблющихся», «неверующих» и еще сохранившихся атеистов (19 процентов из них относятся к православию «очень хорошо», 66 — просто «хорошо» и лишь 5 процентов — «плохо» и «очень плохо»). Всего из 1541 опрошенного плохое и очень плохое отношение к православию выразили только 15 человек.

Положительное отношение к православию — это и положительное отношение к РПЦ как к институту, доверие к которому долгое время превышало доверие ко всем другим институтам. Сейчас, после произошедшего со сменой Б. Ельцина В. Путиным колоссального роста доверия к прези-

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — главный научный сотрудник Института Европы, доктор исторических наук, профессор.

КААРИАЙНЕН Киммо — профессор Университета Хельсинки, директор Института Лютеранской церкви Финляндии.

денту², РПЦ в иерархии институтов по степени доверия перешла с первого места на второе³ (см. таблицу 2).

Таблица 1.

Отношение к различным религиям

	Очень хорошее			Хорошее			Плохое			Очень плохое		
	1996	1999	2002	1996	1999	2002	1996	1999	2002	1996	1999	2002
Православие	41	44 (+3)	52 (+8)	47	50 (+3)	44 (-6)	3	1 (-2)	1	1	0 (-1)	0
Мусульманство	7	8 (+1)	10 (+2)	40	51 (+11)	51	22	16 (-6)	20 (+4)	8	5 (-3)	7 (+2)
Католицизм	3	5 (+2)	5	35	53 (+18)	50 (-3)	16	9 (-7)	14 (+5)	8	3 (-5)	8 (+5)
РПЗЦ («зарубежники»)		4	3 (-1)		39	35 (-4)		13	21 (+8)		6	11 (+5)
Буддизм	3	3	4 (+1)	24	35 (+11)	34 (-1)	20	15	17 (+2)	10	7 (-3)	13 (+6)
Старообряд- чество		4	4		33	34 (+1)		21	23 (+2)		7	12 (+5)
Иудаизм	2	2	3 (+1)	21	28 (+7)	27 (-1)	21	19 (-3)	21 (+3)		8	15 (+8)
Лютеранство	2	2	2	20	27	24 (-3)	18	12	19 (+7)	11	6 (-5)	11 (+5)
Баптизм		2	2		23	25 (+2)		33	30 (-3)		12	19 (+6)
Кришнаизм	2	1	1	16	20	19 (-1)	22	20	20	15	13 (-2)	20 (+7)
Методизм	1	(-1) 1	1	12	16	14 (-2)	20	15	20 (+5)	11	7 (-4)	13 (+5)
Пятидесят- ничество	1	1	1	13	15 (+2)	15		24	26 (+2)		12	18 (+6)
Адвентизм	1	1	1	13	14	14		17	21 (+4)	12	10 (-2)	15 (+5)
Иеговизм	2	1 (-1)	1	12	13 (+1)	13	27	26	26	19	21 (+2)	33 (+12)

При этом громадное доверие к РПЦ в значительной мере — это «идейное» доверие, основанное на общей высокой оценке православия, а не на опыте, ибо средний русский, как мы это увидим дальше, сталкивается с институтом церкви крайне редко.

Как положительное отношение к православию и церкви обладает всеобщим, общенациональным характером и лишь в малой мере связано с верой в Бога, так и самоидентификация как православных охватывает отнюдь не только верующих. Среди опрошенных в 1999⁴ году православными назвали себя 82 процента всех русских респондентов, в том числе 42 процента атеистов, в 2002 году — 80 процентов всех респондентов (при 81 проценте русских в выборке), в том числе 47 процентов атеистов. Смешная, на первый взгляд, фраза белорусского президента А. Лукашенко: «Я — православ-

РЕЛИГИОЗНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

ный атеист», на самом деле вполне адекватно отражает состояние сознания многих россиян. Самоидентификация как православных практически означает самоидентификацию как русских, признание того, что православие — неотъемлемый и обязательный компонент «русскости»⁵.

Таблица 2.

Доверие к институтам

	Очень доверяют		Доверяют		Не доверяют		Совсем не доверяют		Разница между доверяющими и недоверяющими (%)	
	1999	2002	1999	2002	1999	2002	1999	2002	1999	2002
Президент		26		52		14		3		
РПЦ	23	19 (-3)	46	48 (+2)	11	16 (+5)	7	7	51	44
«Зеленые»	14	11 (-3)	50	43 (-7)	11	18 (+7)	6	12 (+6)	37	24
Армия	9	11 (+2)	43	46 (+3)	26	25 (-1)	12	11 (-1)	14	21
ООН	5	4(-1)	32	26 (-6)	15	28 (+13)	13	18 (+5)	9	-16
Телевидение	5	3(-2)	45	39 (-6)	32	41 (+9)	12	13 (+1)	6	-11
Европейский союз	3	3	23	24 (+1)	19	28 (+9)	13	18 (+5)	-6	-19
Профсоюзы	6	4 (-2)	27	26 (-1)	29	40 (+11)	24	23 (-1)	-20	-33
Суды	3	3	31	29 (-2)	32	38 (+6)	24	24	-22	-31
Страны СНГ	1	2(+1)	20	23 (+3)	32	36 (+4)	16	18 (+2)	-27	-29
Милиция	1	2(+1)	25	25	37	40 (+3)	30	29 (-1)	-39	-42
Правительство	2	5(+3)	23	41 (+18)	36	31 (-5)	32	15 (-17)	-43	-1
Большие компании	1	1	14	17 (+3)	28	34(+6)	30	30	-43	-46

Теперешнее всеобщее хорошее отношение к православию — это отнюдь не хорошее отношение к религии вообще. Отношение к другим, чужим религиям, как это видно из таблицы 2, много хуже. Более того, существует явная связь между положительным отношением к православию и негативным — к другим религиям. Рост положительных оценок православия сопровождается ростом негативных оценок всех других религий.

При этом иерархия оценок различных религий устойчива, и мы можем усмотреть в ней определенную логику. Это не иерархия религиозной близости или отдаленности от православия (мы видим, что христиане-баптисты и лютеране оцениваются значительно хуже, чем мусульмане). Она основана на совершенно иных принципах. Эти принципы, на наш взгляд, достаточно ясны. Наиболее положительное (или наименее отрицательное) отношение — к религиям, связанным с нерусскими национальностями, с которыми русские уже много столетий сосуществуют в России, и не занимающимся активной пропагандой в русской среде. Наиболее негативное отношение — к религиям новым, нетрадиционным и активно занимающимся прозелитизмом.

Данная иерархия оценок во многом раскрывает психологию и идеологию, стоящие за всеобщим «православным консенсусом». Это психология и идеология стремления к стабильности, определенности и «закрытости». Православие выступает как символ определенности и стабильности, как символ национальных русских идентичности и единства. Поэтому российское массо-

вое сознание болезненно относится к деятельности других религий, которая может подорвать жесткую связку «русский — православный», и даже к индивидуальным религиозным поискам⁶ и благожелательно — к идее внешнего, государственного и силового утверждения православия и его ограждения от разного рода посягательств.

Идея особых привилегий православию, придания ему официального характера очень популярна, и популярность эта растет. И хотя в массовом сознании она вполне может сочетаться с идеей равенства религий — и процент согласных с привилегиями, и процент согласных с равенством значительно превышают 50 (то есть, многие респонденты придерживаются принципа: «все религии равны, но некоторые более равны, чем другие») — тем не менее тенденция достаточно очевидна (см. таблицу 3). Если в 1996 году удельный вес решительных приверженцев равенства («полностью согласны») превышал удельный вес решительных сторонников привилегий на 9 процентов, то в 2002 году, наоборот, удельный вес первых был на 3 процента меньше удельного веса вторых.

Таблица 3.

Отношение к привилегиям РПЦ и равенству религий

	Полностью согласны			Согласны			Не согласны			Совершенно не согласны		
	1996	1999	2002	1996	1999	2002	1996	1999	2002	1996	1999	2002
РПЦ должна иметь привилегии в России	24	20 (-4)	27 (+7)	27	30 (+3)	34 (+4)	31	31	21 (-10)	6	4 (-2)	4
Все религии должны иметь равные права	33	26 (-7)	24 (-2)	37	38 (+1)	33 (-5)	18	19 (+1)	22 (+3)	2	3 (+1)	8 (+5)

Растет и популярность всякого рода запретов и ограничений на деятельность новых религий, достигшая, на наш взгляд, удивительно высокого уровня (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Отношение к пропаганде новых религий (2002 год)

	Позволять всем	Позволять некоторым	Запретить всем
Можно ли позволять			
новым церквам строить церковные здания	9	31	46
издавать газеты и журналы	13	33	42
открывать религиозные школы	8	26	52
преподавать свою религию в школах	4	18	65
проповедовать по телевидению	7	23	56
заниматься благотворительностью	44	25	21

Более того, несмотря на то, что российское общество совсем недавно было почти тотально атеистическим, в массовом сознании возникла склонность к запрету антирелигиозной, атеистической пропаганды. Большинство против таких запретов, но меньшинство, которое их поддерживает, на наш взгляд, удивительно велико. Так, за запрет противникам религии

преподавать в университете — 18 процентов, за изъятие антирелигиозных книг из местных библиотек — 22 процента.

Мы видим нечто вроде стремления вернуться к системе монополии определенной идеологии и запретов ее конкурентов, только в роли этой идеологии выступает уже не марксизм-ленинизм, а православие. При этом собственно религиозная вера играет в этом стремлении (как и в признании высокой ценности православия и в православной самоидентификации) лишь ограниченную роль. Так, все перечисленные в таблице 4 запреты на деятельность новых религий поддерживаются атеистами даже больше, чем верующими. Значительное меньшинство атеистов согласно и с прямым приданием православия официальной функции идеологического контроля (см. таблицу 5) и даже с запретом антирелигиозной пропаганды.

Таблица 5.

Отношение разных мировоззренческих групп к приданию РПЦ функций идеологического контроля (2002 год)

	Все опро- шенные	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Телевидение имеет право показывать программы, запрещенные РПЦ					
полностью согласны	12	11	11	12	20
согласны	32	27	36	41	31
не согласны	29	32	31	22	10
совершенно не согласны	10	12	6	7	21
Власти не должны принимать решения и законы, противоречащие учению РПЦ					
полностью согласны	13	19	10	5	4
согласны	32	36	39	21	15
не согласны	24	18	25	34	28
совершенно не согласны	9	4	8	14	32

Всеобщий характер положительных оценок православия, православной самоидентификации и негативного отношения к новым для России религиям, широкое распространение идеи придания РПЦ официального статуса и функций идеологического контроля и ограждения ее монополии запретами в отношении иных религий — стабильные элементы нового состояния российского сознания. Насколько мы можем проследить, показатели распространенности этих позиций несколько растут, хотя и немного. Если экстраполировать теперешние тенденции и представить себе дальнейший рост негативного отношения к другим религиям и стремления запретить или ограничить их деятельность, то вырисовывается картина общества, более похожего на какое-нибудь ближневосточное общество с охраняемой государством монополией определенной религии, чем на современные западные общества. Но и сейчас уровень религиозной ксенофобии, и нетерпимости в российском сознании, на наш взгляд, удивительно высок.

Между тем, если мы перейдем от «отношения к религии» к собственно религиозности, картина получается совершенно иная. Здесь тоже — стаби-

лизация, но на совершенно ином уровне. Высокую степень религиозной нетерпимости проявляет не общество, в котором подавляющее большинство — традиционные верующие, истово выполняющие требования своей религии, вроде иранского или саудовского; а общество, в котором реальные верующие — крошечная и маргинальная группа.

ПРОЦЕНТ ЛИЦ, ОТВЕЧАЮЩИХ «ДА» на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?», похоже, стабилизировался в районе 60 процентов (см. таблицу 6).

Таблица 6.

Удельный вес верящих в разные религиозные доктрины

	1991	1993	1996	1999	2002
Бог	34	46 (+12)	47+1)	61 (+14)	59 (-2)
Загробная жизнь	17	25 (+8)	24 (-1)	24	27 (+3)
Существование дьявола	12	28 (+16)	27 (-1)	31 (+4)	32 (+1)
Ад	13	24 (+11)	22 (-2)	26 (+4)	27 (+1)
Рай	15	25 (+10)	24 (-1)	31 (+7)	32 (+1)
Воскресение мертвых	7	12 (+5)	9(-3)	10 (+1)	10
Переселение душ	17	21 (+3)	20 (-1)	21 (+1)	20 (-1)
Астрология			37	42 (+5)	43 (+1)
Магия				45	43 (+2)
Колдовство				47	

60 процентов — это очень большая цифра. Однако ответ «да» на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?» мало о чем говорит. Если же мы попытаемся выяснить реальное содержание этой веры, то оказывается, что большинство отвечающих «да» вкладывает в понятие Бога нечто совершенно не христианское и не православное (см. таблицу 7).

Таблица 7.

Различные мнения о Боге

	1991	1993	1996	1999	2002
Есть Бог, с которым можно установить личные отношения	7	12	15	18	19
Есть что-то вроде Духа или жизненной силы	34	33	35	38	34
Не знаю	39	26	24	21	23
Нет никакого Бога или жизненной силы	21	22	18	16	16

А если мы задаем вопросы о вере в другие религиозные идеи, в структуре православия не отделимые от веры в Бога, то цифры отвечающих «да» становятся значительно меньше (см. таблицу 6). В 2002 году мы задали еще ряд вопросов о вере, которые не задавали ранее. Выяснилось, что твердо верят в историческое существование Иисуса только 23 процента (хотя это бесспорный факт, который отрицался лишь старым советским атеизмом), в воскресение Христа — 16 процентов, в то, что Иисус Христос — сын Божий, — 24 процента, в то, что Бог создал мир, — 21 процент, в то, что Бог отвечает на наши молитвы, — 20 процентов.

С другой стороны, удельный вес верящих в различные парарелигиозные и паранаучные нехристианские и неправославные доктрины очень велик и превышает удельный вес верящих в христианские идеи и догматы. В совершенно не православное и не христианское представление о переселе-

лении душ, например, верит в 2 раза больше людей (20 процентов), чем в христианскую идею воскресения мертвых (10 процентов).

Объявление себя «верующими» воспринимается респондентами, очевидно, как нечто более «серьезное» и «ответственное», чем ответ «да» на вопрос о вере в Бога. Во всяком случае, число лиц, идентифицирующих себя как верующих, постоянно меньше, чем число отвечающих «да» на вопрос о вере в Бога (в 2002-м первых было 44, а вторых — 59 процентов).

На таблице 8 мы видим, как за последние 11 лет менялись мировоззренческие самоидентификации. Несомненно, цифры верующих и атеистов в 1991 году — это уже результат громадных масштабов перемены самоидентификаций в конце 1980-х. Но в 1991—1993 годах этот процесс продолжается схожими темпами. За три года число атеистов уменьшилось в 7 раз. Называть себя атеистом в это время стало неприлично. Часть бывших атеистов начинает, очевидно, сразу же называть себя верующими (удельный вес верующих за эти бурные три года вырос почти в 1,5 раза), но многие избирают более «мягкую» и «приличную», чем атеистическая, «переходную» самоидентификацию как неверующих. Отсюда бурный, но недолгий рост в этот период числа «неверующих».

Но это — революционные годы. Дальше начинается медленная стабилизации. Процент атеистов стабилизировался на очень прочной цифре 5 процентов. Число неверующих после бурного роста в 1991—1993 годах стало уменьшаться, а число верующих продолжает расти, но уже более медленными темпами. (За три года, с 1999-го по 2002 год, оно вырастает в 1,4 раза, затем — в 1,4 раза за девять лет.)

Таблица 8.

Мировоззренческие группы по самоидентификации

	1991	1993	1996	1999	2002
Верующие	23	32 (+9)	34 (+2)	40 (+6)	44 (+4)
Колеблющиеся	28	28	30(+2)	30	29 (-1)
Неверующие	7	30 (+23)	24 (-7)	22 (-2)	20 (-2)
Атеисты	35	5 (-20)	6(+1)	5(-1)	5
«Не знаю»	7	4	6	2	2

Самоидентификация как верующих «серьезней», чем ответ «да» на вопрос о вере в Бога. Но эту серьезность тоже не следует преувеличивать. Реально сознание «верующих» не менее эклектично, чем сознание населения в целом. Более того, создается ощущение, что оно даже более эклектично и самоидентификация как верующих означает не столько веру в православное учение, сколько вообще психологическую склонность верить.

Мы видим, что верующие по самоидентификации — это люди, склонные верить во все: начиная с того, что черная кошка приносит несчастье, кончая верой в президента. И тем не менее большинство из них не верит в самые основные христианские идеи и догматы. Среди них верящих в магию больше, чем твердо верящих в то, что Иисус Христос — Сын Божий, в предопределенность судьбы — больше, чем в рай и ад, в переселение душ — больше, чем в воскресение из мертвых. Большинство из них даже по самым «либеральным» критериям назвать православными верующими трудно.

При этом удельный вес лиц, заявляющих, что религия для них «важна», установился на более низком уровне, чем удельный вес верующих по

самоидентификации, и в последнее время даже несколько уменьшился (см. таблицу 10).

Таблица 9.

Сознание верующих		
	Верующие	Все опрошенные
Твердо верят или считают вероятным, что		
число 13 приносит несчастье	27	24
предметы могут двигаться ментальной силой	26	23
человек может предсказывать будущее	69	61
судьба каждого человека предопределена	72	62
душа может на время покидать тело	49	35
черная кошка приносит несчастье	22	19
расположение звезд на небе в момент рождения влияет на судьбу	54	49
Верят в Бога	95	59
В ангелов	65	40
В ад	47	27
В рай	57	32
В воскресение из мертвых	19	10
В магию	52	43
В переселение душ	30	20
Твердо верят		
что Иисус жил	47	23
в воскресение Иисуса Христа	34	16
что Бог создал мир	42	21
что он отвечает на молитвы	41	20
что Иисус Христос — Сын Божий	46	24
Очень доверяют президенту	29	26

С 1999-го по 2002 год удельный вес лиц, называющих себя верующими, вырос на 4 процента, а утверждающих, что религия для них важна, упал на 6 процентов. Получается, что растет число верующих, для которых религия не важна. Всего в 2002 году верующих, для которых религия была не важна и «совершенно не важна», было 32 процента. Чем более распространенной становится самоидентификация как верующих, тем меньше она реально значит, тем более она становится «пустой», приближаясь к массовой, но «пустой» самоидентификации как атеистов в позднюю советскую эпоху.

Таблица 10.

Субъективные оценки важности религии				
	1993	1996	1999	2002
Религия не важна	65	65	56	62
Религия важна	33	32	42	36

И ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ О ВЕРЕ В БОГА и другие религиозные идеи, и самоидентификация как верующих, и даже утверждение, что религия важна, — все это уровень слов, а не дел. Человек может перейти от самоидентификации как неверующего к самоидентификации как верующе-

го и даже утверждать, что религия для него важна, при этом ничего в своей жизни не меняя. Другое дело, когда вера приводит к регулярному посещению церкви, причащению, соблюдению постов и т. д., то есть, когда человек ради нее готов чем-то поступиться, если его поведение как-то меняется.

Между тем цифры посещения церковью резко отличаются от цифр, характеризующих отношение к православию или даже веру в Бога. У нас нет цифр регулярного посещения церковью в советское время. Но ясно, что оно было на очень низком уровне хотя бы просто потому, что церковью было очень мало, и зафиксированная в самом конце советского периода, в 1991 году, цифра посещения церкви не реже раза в месяц, 6 процентов, результат уже произошедшего роста посещаемости. (Если, например, в Калининградской области первый православный храм был открыт только в 1986 году, то ясно, что регулярное посещение церкви здесь могло быть лишь 0 процентов.) Но далее, на протяжении всего периода 1991—2002 годов, эта цифра практически не изменилась.

Таблица 11.

Посещение церкви					
	1991	1993	1996	1999	2002
Не реже раза в месяц	6	7	6	7	7
Несколько раз в год	8	10	20	19	19
Раз в год или реже	27	21	25	29	31
Никогда	59	62	48	45	42

Цифра 6—7 процентов поразительно стабильна. Разумеется, за этой стабильностью скрывается значительное движение, и состав группы лиц, регулярно посещающих церковь, изменился по сравнению с 1991 годом. Среди верующих стабильно преобладают лица старших возрастов, и очень многие регулярно посещавшие церковь в 1991 году старые люди, в 2002 году уже просто умерли. С другой стороны, посещать церковь стали новые люди. При этом число церковью многократно возросло и положение церкви радикально изменилось. Посещать церковь стало во много раз проще — и физически, и психологически. Тем не менее цифра остается неизменной — несмотря на совершенно новую, во много раз более благоприятную для посещения церкви ситуацию, приобретения в основном лишь компенсируют потери. Заметно растет только число тех, кто иногда посещает церковь, что связано с новой официальной ролью церковной обрядности (всякие торжественные молебны, крещения, отпевания и т. д.).

Цифра 6—7 процентов — самая низкая в Европе. В таких странах, как Польша, Мальта, Ирландия, цифры ежемесячного посещения по сравнению с ней запредельно велики (соответственно 78, 87, 74 процента). Но они больше даже в таких странах, как Швеция (9 процентов), Финляндия (12 процентов), Дания (12 процентов), Франция (12 процентов). И скорее всего эта цифра или цифры, близкие к ней по порядку, будут характеризовать российскую религиозность и в обозримом будущем. Если регулярное посещение церкви практически не выросло в период самых бурных перемен в нашей жизни и радикального изменения отношения к религии, трудно представить себе, что должно произойти, чтобы оно значительно увеличилось.

Другие показатели не чисто декларативной религиозности также не растут и стабилизировались на очень низком уровне.

Число лиц, никогда не принимавших причастия, в 2002 году по сравнению с 1999-м несколько уменьшилось (45 и 53 процента), но почему-то за счет тех, кто вспомнил, что причащался когда-то в детстве, а процент при-

нимавших причастие менее года назад, в 1999 году, был 8 процентов, а в 2002-м — 6 процентов.

Удельный вес полностью соблюдающих пост в 1996 году был 4 процента, в 1999-м — те же 4 процента, в 2002-м — 3 процента. Процент частично соблюдающих пост с 1999-го по 2002 год увеличился с 21 до 24 процентов. (И это при том, что в меню ресторанов теперь указываются постные блюда.)

Остается на прежнем уровне удельный вес тех, кто никогда не раскрывал Библии. В 1999 году таких было 46 процентов, а в 2002-м — 45 процентов, причем среди тех, кто идентифицирует себя как верующих, — 29 процентов. (И это при современной полной доступности Библии!)

Никогда не молятся вне церкви: в 1991 году — 66 процентов, 1993-м — 51, 1996-м — 45, 1999-м — 44, 2002-м — 48 процентов.

И при всем декларируемом доверии к церкви часто обращаются за советом к священнику и в 1999-м, и в 2002 году только 1 процент респондентов, а никогда в своей жизни не обращались в 1999 году — 80 процентов, в 2002-м — 75 процентов.

Если мы попытаемся вычлнить тех лиц, которые не только называют себя верующими, но и как-то претворяют эту веру в дела, — например тех, кто, считая себя верующими (всего 47 процентов), при этом регулярно ходит в церковь (15 процентов от 47 процентов — 7 процентов), или причащался меньше, чем год назад (14 процентов от 47 процентов — 6 процентов), — у нас получатся очень маленькие цифры. А если мы еще больше ужесточим критерии — например будем учитывать не просто верующих по самоидентификации, но только тех из них, кто верит, что Иисус Христос жил на земле, что он — Сын Божий и воскрес, а из них — лишь тех, кто регулярно ходит в церковь и причащается, — цифры станут просто микроскопическими.

ВАЖЕН НЕ ТОЛЬКО УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ВЕРУЮЩИХ в населении, но и то, кто эти люди. Отличие социально-демографических характеристик верующих и всех опрошенных представлено в таблице 12.

Немногие опросы советской эпохи показывали, что большинство верующих принадлежало к социально-маргинальным группам. Это были прежде всего старые и необразованные деревенские женщины. С того времени число верующих по самоидентификации выросло многократно. Естественно, что социальный состав этой группы изменился. Она стала моложе, образованнее, менее «женской» и «деревенской». Тем не менее и сейчас он сдвинут в сторону социальной маргинальности. Мы видим, что женщин среди верующих значительно больше, чем в населении также больше пожилых, одиноких, вдовых, пенсионеров, необразованных и живущих в деревне или имеющих деревенское происхождение.

Но это — верующие по самоидентификации. Если же мы посмотрим на социальный состав тех, у кого вера претворяется в дела, то увидим, что они значительно более социально маргинальны, чем верующие по самоидентификации, и в этом отношении изменения по сравнению с советским временем — минимальны.

Так, мы видели, что среди всех опрошенных женщин — 56 процентов и лиц старше 60 лет — 23 процента, а среди верующих по самоидентификации женщин — 70 процентов, а лиц старше 60 лет — 29 процентов. Среди полностью или частично соблюдающих пост женщин — уже 76 процентов и лиц старше 60 лет — 36 процентов. А среди полностью соблюдающих пост первых — 84, а вторых — 61 процент. Ту же картину мы видим и в других измерениях религиозности. Среди посещающих церковь чаще, чем раз в месяц, женщин — 81 процент, лиц старше 60 лет — 37 процентов. Среди всех, кто причащался хотя бы несколько лет назад, женщин — 78 процен-

РЕЛИГИОЗНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

29

тов, а лиц старше 60 лет — 38 процентов, среди причащавшихся менее, чем год назад, — 92 и 45 процентов.

Таблица 12.

Социально-демографические характеристики верующих

	1999		2002	
	Верующие	Все опрошенные	Верующие	Все опрошенные
Женщины	68 (+12)	56	70 (+14)	56
Семейное положение				
женаты или замужем	54 (-3)	57	46 (-6)	52
вдовы	21 (+6)	15	21 (+5)	16
живут одни	22 (+4)	18	22 (+2)	20
Возраст: старше 60 лет	29,5 (+6)	23,5	29 (+5)	24
Образование				
до 7 классов	19 (+3)	16	16 (+5)	11
высшее	16 (-3)	19	15 (-2)	17
Пенсионеры	34 (+8)	26	33 (+7)	26
Живут в деревне	25 (+2)	23	29 (+1)	28
Жили в деревне до 16 лет	40 (+5)	35	37 (+3)	34

Число, «воцерковленных» верующих, в отличие от числа верующих по самоидентификации, практически не растет. Состав же этой группы, естественно, постоянно обновляется. И тем не менее новые люди, входящие в эту группу, рекрутируются в основном среди представителей того же социально-демографического типа — достигая определенного возраста и выйдя на пенсию, ранее не ходившая в церковь женщина начинает ее регулярно посещать.

Особенностью теперешнего российского состояния сознания является, таким образом, сочетание всеобщего признания ценности православия и всеобщей православной самоидентификации, довольно высокой степени религиозной ксенофобии и нетерпимости, готовности оградить силовым путем, через государство, православную монополию и пресечь распространение других религий с очень низким уровнем религиозности, почти не возросшим с советского времени. По нетерпимости Россия едва ли не приближается к тем мусульманским странам, в которых переход в другую веру считается преступлением и иностранные миссии полностью запрещены, а по реальной религиозности ей далеко даже до таких стран, как Франция или Дания. Нетерпимость к новым для России религиям проявляют люди с фантастически эклектичным сознанием, практически не бывающие в церкви. Признание высокой ценности православия и необходимости оградить и поддержать его постоянно декларируется российской элитой, богатыми и энергичными относительно образованными мужчинами в расцвете сил, а регулярно в церковь ходят в основном старые и необразованные женщины.

И обе эти характеристики российского сознания, громадное декларируемое значение православия и минимальная и маргинальная реальная религиозность, несомненно, относительно устойчивы. Трудно представить себе, чтобы в обозримый период здесь что-то могло принципиально измениться.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ И ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИТИКЕ неразрывно связаны друг с другом как в головах и сердцах индивидов, так и в обществе в целом. Политическая и социальная революция 1989—1991 годов

была и революцией в отношении к религии; теперешняя стабилизация в религиозной сфере связана и со стабилизацией в политике, ясно видимой в громадных и стабильных рейтингах президента.

Связь этих двух стабилизаций очевидна. Общество, оказавшееся на рубеже 1980-х и 1990-х годов в ситуации значительно большей свободы, чем оно было психологически способно «переварить», после переворота 1991 года быстро устремилось к стабильности, определенности, порядку. Это единое стремление проявляется и в религиозной, и в политической сферах.

В религиозной сфере полностью утратившее прежнюю идеологию, но привыкшее к идейному единству и определенности общество устремляется к «православному консенсусу». С поразительной быстротой и легкостью в массовом порядке люди оставляют ставший к концу советской власти чисто конформистским и формальным атеизм и начинают объявлять и осознавать себя православными верующими. За несколько лет на рубеже 1980-х — 1990-х самоидентификацию сменили десятки миллионов людей. При этом в громадной мере на отношение к православию ими переносятся привычки и психология, выработанные десятилетиями (и даже столетиями, если принять во внимание не только советское, но и самодержавное наследие) пребывания в государстве с монопольной и принудительной идейной системой. Это привычка к утверждаемому государством единообразию, к запрету на другие идейные системы. После недолгой оргии религиозной свободы или даже анархии, когда российские государственные лидеры могли покровительствовать Аум Синрике, а с телеэкранов не сходили колдуны-шарлатаны вроде Кашпиоровского и сомнительные иностранные миссионеры, православие становится общенародной и в значительной мере официальной религией.

Так как религия прямо не затрагивает ничьих материальных интересов, кроме интересов религиозных профессионалов, духовенства, консенсус в религиозной сфере достигается значительно быстрее, чем в политической. Очень скоро православной символикой начинают совершенно одинаково пользоваться и власть, и «коммуно-патриотическая» оппозиция. Идет даже своего рода борьба за овладение этой символикой, в ходе которой власть устанавливает тесные отношения с церковной иерархией, а оппозиция привлекает на свою сторону массу рядовых прихожан, в основном принадлежащих к социальным низам, которым революция принесла только обнищание и культурный шок¹⁶. Однако установление православного консенсуса и стабилизация в религиозной сфере были предвестием установления политического консенсуса и политической стабилизации.

Стремление вернуться к стабильности и определенности после революционного хаоса может работать и на оппозицию, и на власть. В российских постсоветских условиях оно работало на власть, постепенно приобретающую характер традиционной российской авторитарной власти. Именно это стремление помогло Ельцину преодолеть кризис 1993 года, победить в 1996 году и передать полномочия избранному им преемнику на рубеже двух тысячелетий. Но Ельцин был слишком связан с революционным прошлым, чтобы народные массы могли принять его как «законного монарха», воспринимать его власть как «нормальную» и «традиционную». Такой переворот в отношении к президентской власти происходит при его преемнике, который смог привлечь симпатии истосковавшегося по сильной и стабильной власти народа, в том числе и народных низов, ранее симпатизировавших «реакционным» противникам режима. Рейтинги Путина колоссальны и стабильны, и в доверии к нему объединяются все социальные и все мировоззренческие группы¹⁷. Вслед за религиозной стабилизацией пришла и политическая, за религиозным «православным консенсусом» — политический «президентский».

Эти две стабилизации и два консенсуса связаны не только потому, что оба они порождены усталостью от революционных потрясений, стремлени-

ем вернуться к стабильности и спокойствию. Религия и власть еще и укрепляют друг друга. Ельцин, часто показывавшийся вместе с патриархом и иногда посещавший церковные службы, своим авторитетом, авторитетом власти, укреплял позиции православия и способствовал установлению «православного консенсуса». Путин, с его значительно большей личной популярностью и более серьезным отношением к своим обязанностям (по сообщениям печати, он даже соблюдает пост и имеет духовника), укрепляет «православный консенсус» еще больше. С другой стороны, авторитет церкви укрепляет авторитет власти, освящает ее. И наши данные показывают установившуюся сейчас несомненную корреляцию между религиозностью и доверием к президенту².

Оба консенсуса, несомненно, прочны, «обе стабилизации стабильны». Но любой стабильности рано или поздно приходит конец. Поэтому остается вопрос: насколько они прочны и стабильны?

ОТВЕТИТЬ НА ЭТОТ ВОПРОС мы не можем, и политический аспект теперешней стабилизации вообще не является предметом данной статьи.

Выскажем лишь некоторые соображения о религиозной стабилизации. На наш взгляд, она вызывает образ «колосса на глиняных ногах». Колосс — это более 80 процентов самоидентификации как православных, всеобщее доверие РПЦ, согласие большинства на привилегии РПЦ и на разного рода запреты на деятельность новых религий. «Глиняные ноги» — это 7 процентов регулярно посещающих церковь, 6 процентов регулярно причащающихся, 1 процент постоянно обращающихся за советом к священнику, только 23 процента твердо верящих в то, что Иисус действительно жил, а не является мифом, и социальная маргинальность реальных верующих, в подавляющем большинстве тех же старушек, которые регулярно посещали церковь в советское время. Легкость, с которой была достигнута победа над марксистско-ленинской идеологией, обернулась несерьезностью, поверхностностью этой победы, громадным разрывом между внешним единством и единообразием и полной «энтропией», скрывающейся за этим единством.

Может ли такая ситуация продолжаться до бесконечности? Долго ли сможет простоять колосс на своих глиняных ногах? На наш взгляд, до бесконечности он простоять все же не может. Теоретически раньше или позже должно произойти одно из двух — или православный консенсус распадется, колосс рухнет, или, наоборот, у него вырастут нормальные, прочные «ноги». Какой вариант более вероятен, представляем судить читателю.

Но массовое сознание устроено так, что в нем уживаются представления, логически совершенно не совместимые. Конечно, рано или поздно противоречия осознаются и как-то разрешаются, но комбинация идей и установок, которая при логическом анализе кажется просто немислимой и обреченной на быстрое разрушение, может сохраняться, конечно, не до бесконечности, но очень долго. И причудливая комбинация идей и установок, характеризующая теперешнее российское отношение к религии, вполне может продержаться долго, во всяком случае дольше, чем сроки жизни теперешнего поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Результаты наших исследований прошлых лет обобщены в ряде публикаций. См., в частности: *Ж. Фурман. Верующие, атеисты и прочие. Новое исследование российской религиозности.* — «Свободная мысль», 1997, № 1; *К. Каарияйнен, Д. Е. Фурман. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности).* — «Вопросы философии», 1997, № 6; «Religious Transition in Russia». Ed by M. Kotiranta. Helsinki 2000; «Старые церкви, новые верующие (религия в массовом сознании постсоветской России)». Под ред. К. Каарияйнена и Д. Е. Фурмана. М., 2000.

Последний опрос охватывал 1541 человека и проводился в 89 городах и поселках страны, в том числе в Москве, Красноярске, Вологде, Санкт-Петербурге, Выборге, Ярославле, Чебоксарах, Ростове, Новосибирске, Таганроге.

² Вопрос о доверии к президенту мы впервые задали в 2002 году. Но резкое увеличение этого доверия при переходе власти к В. Путину документировано многочисленными исследованиями (см. Д. Фурман, К. Каарияйнен. «Я доверяю президенту». — «Свободная мысль-XXI», 2003, № 5).

³ С 1999 года доверие к РПЦ чуть-чуть снизилось. Возникает вопрос: случайное ли это колебание или роль президента как главного объекта и источника доверия отодвигает в какой-то мере роль РПЦ на второй план? Сейчас ответить на этот вопрос не представляется возможным, но следующие опросы должны дать ответ.

⁴ Это отнюдь не означает, что остальные принадлежат к другим религиям. Из 1625 русских респондентов не идентифицировали себя как православных 298. Но из них 218 просто никак себя не обозначили, 53 — атеисты, которые определяют себя как атеистов и при выборе вероисповедной принадлежности (их меньше, чем тех, кто определяет себя как атеистов при выборе между позициями: верующий, колеблющийся, неверующий и атеист). Таким образом, русских, принадлежащих к неправославным религиям, было 27 человек, то есть 1,6 процента всех опрошенных. Из них 5 католиков, 7 протестантов, 2 иеговиста, 1 адвентист и т. д. Опросы полностью противоречат распространенным представлениям о массовом характере разного рода «сект» и «культов», привнесенных из-за границы.

⁵ Соответственно всеобщее хорошее и очень хорошее отношение к православию — это хорошее и очень хорошее отношение к самим себе. Если к православию «очень хорошо» относятся 52 процента, а «хорошо» — еще 44 процента, то к русским (то есть к самим себе) «очень хорошо» относятся 42 процента, а просто «хорошо» — 55 процентов.

⁶ В 2002 году только 10 процентов согласились и 65 процентов не согласились с тем, что надо стараться узнать и испытать духовную жизнь разных религий. С тем, что хорошо интересоваться новыми религиями, согласились только 3 процента, а не согласились — 65 процентов. С тем, что надо полагаться на авторитет представителей традиционных религий, согласились 45 процентов, не согласились — 34 процента.

⁷ Поэтому такие факты, как погром выставки «Осторожно, религия!» в Сахаровском центре зимой нынешнего года, не случайны. Скорее всего подобного рода эксцессы будут повторяться. Когда в целом растет нетерпимость, всегда появляются и крохотные группки, у которых она принимает ожесточенный и страстный характер и которые переходят к «прямым действиям». Когда в немецком обществе в целом возросли опасения, связанные с ростом числа турок, у подавляющего большинства немцев отнюдь не приводившие к ожесточенной ненависти, стали появляться и крохотные группки, турок избивавшие и убивавшие.

⁸ Разумеется, все это тоже можно совершать без веры, из страха социальных санкций. Но в современном обществе такие санкции почти невозможны. Никто не может проконтролировать, ходишь ли ты в церковь.

⁹ У государственных лидеров и вообще элиты, в громадной мере трансформировавшейся из советской в постсоветскую и из коммунистической в антикоммунистическую, эта легкость иногда производит комическое впечатление.

¹⁰ То, что традиционные и «реальные» верующие скорее поддерживали коммуно-патриотическую оппозицию и возвращение к советским порядкам, чем власть и идеологию победивших «демократов», видно из многих опросов и демонстрировалось в наших публикациях. В путинскую эпоху ситуация во многом изменилась. Но «следы» этой старой поддержки оппозиции сохраняются. Так, с утверждением, что нужно как можно скорее вернуться к советским порядкам, в 1999 году согласились 16 процентов, а в 2002-м — 13 процентов всех опрошенных, среди верующих же — соответственно 18 и 16 процентов. С противоположным утверждением (что нужно как можно скорее порвать с советским прошлым) согласились в 1999 году — 8, а в 2002-м — 10 процентов респондентов, а среди верующих — 5 и 8 процентов. Тех, кто назвал КПРФ партией, наиболее отражающей их взгляды, в 1999 году было 15 процентов опрошенных и 17 процентов верующих, а в 2002-м — 14 и 13 процентов.

¹¹ О поддержке В. Путина см. Д. Фурман, К. Каарияйнен. «Я доверяю президенту». — «Свободная мысль-XXI», 2003, № 5.

¹² Эти данные приведены в статье «Я доверяю президенту», на которую мы ссылались выше. Поэтому мы не будем снова приводить их все.